



МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. П. ПОТАПОВ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ САГАЙЦЕВ

Выяснение этногенеза племен Саяно-Алтайского нагорья, объединенных ныне в значительной части в составе Хакасской, Ойротской и Тувинской автономных областей, представляет большую и сложную задачу, стоящую перед советскими этнографами и историками Сибири. Посильное участие в разработке этой проблемы приняла на себя Хакасская этнографическая экспедиция, организованная Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. Экспедиция работала летом и осенью 1946 г. в левобережной части бассейна Абакана и, по поручению Института этнографии Академии Наук СССР, возглавлялась автором настоящих строк. Результаты, полученные экспедицией в течение полевой работы, в соединении с ранее известным историческим и этнографическим материалом, позволяют наметить решение одного из существенных вопросов этногенеза современных хакасов, поставленного в заголовке настоящей работы. Как известно, в состав хакасов входит ряд тюркоязычных племен: качинцы, кизыльцы, койбалы, бельтиры, сагайцы. Все они в настоящее время находятся в процессе консолидации в единую национальность в условиях ленинско-сталинской национальной политики, обеспечивающей им практические огромные возможности в развитии культуры.

Сагайцев принято считать особым племенем со времени уже ранних публикаций В. В. Радлова. Последний еще в 60-х гг. прошлого столетия включил сагайцев в список племен, которым он дал общее наименование «абаканских татар»¹. В этом списке сагайцы оказались вместе с племенами качинцев, кизыльцев и койбалов. После Великой Октябрьской социалистической революции все перечисленные племена были объединены в составе Хакасской автономной области и получили общее наименование хакасов. Таким образом, сагайцы стали хакасским племенем. Но это только формальная сторона вопроса. По существу же вопрос происхождения и этнического состава сагайцев на основании этнографических и исторических данных решается иначе.

Во время поездки по бассейну верхнего течения р. Тёи, левого притока Абакана, в районе средоточия сагайцев, мы совместно с В. И. Доможаковым с первых же дней работы обнаружили, что местное население сагайцами себя не называет. Более того, некоторые старики даже брались разъяснять нам, что сагайцами их называют неправильно.

¹ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, часть II, СПб. 1868. Предисловие, стр. IX—X; его же, *Ethnographische Übersicht der Türken-Stämme Sibiriens und der Mongolei*, Leipzig, 1883; *Aus Sibirien*, Bd. I, Leipzig, 1884, S. 206.

Вскоре такие же сведения стали поступать и от других участников экспедиции. Заинтересовавшись этим вопросом, я натолкнулся и на другое явление. Оказалось, что старейшее и среднее поколение этого района не называет себя и хакасами, хотя Хакасская автономная область существует уже свыше 15 лет. Это общее название здесь еще не вошло в быт, и его употребляют в качестве самоназвания только молодежь и местная сельская интеллигенция, преимущественно учителя. Обычно в качестве самоназвания здесь приводят наименование сеока (рода) Карга, Кобый и т. п. или довольно часто, видимо для популярности, термин «татар». Таким образом, перед нами сразу же возникли вопросы: на каком основании и правильно ли существовало племенное наименование сагайцы? И затем — что представляют собой сагайцы в этническом отношении, каков их этнический состав?

Уже в течение полевой работы выяснилось, во-первых, что термин «сагай» в качестве самоназвания относят здесь к определенному сеоку, именно сеоку Сагай. Во-вторых, этим термином прежде называли, независимо от сеока, все население, входившее в ведомство бывшей Степной думы соединенных разнородных племен с центром в с. Аскысе, называвшейся обычно для краткости «Сагайской степной думой». Мне рассказали предание, объясняющее происхождение названия «Сагайской думы». Согласно преданию, царские чиновники решили заменить длинное наименование думы соединенных разнородных племен более кратким. Чтобы придумать его, они вызвали всех родовых князьев в г. Минусинск. Первым по вызову чиновников в Минусинск явился князец рода (сеока) Сагай. Поэтому думу называли Сагайской². Наконец, путем опроса выяснилось, что термином «сагайцы» называло себя не столько само население Сагайской степной думы, сколько его называли так жители соседних административных подразделений, преимущественно качинцы. Само население этого ведомства называло себя «сагай» только по принадлежности к Сагайской думе и, как правило, только при разговорах с официальными лицами или во время поездок за пределы своей степной думы³.

Изложенные данные о фактическом положении с употреблением наименования сагайцы делают необходимым изучение и решение этого вопроса. Как же обстоит дело с ним в литературе?

Приходится напомнить, что по сагайцам нет ни одной специальной работы, что обзор вопроса придется сделать по отрывочным данным, разбросанным по различным общим и специальным работам, относящимся к населению Западной и Южной Сибири. Характерно, что в этнографической литературе нет указаний на то, что сагайцы являются самостоятельным племенем или народом, что они представляют собой единое целое в этнографическом и языковом отношении. Исключением является заявление В. В. Радлова, высказанное им относительно «абаканских татар» в целом. Радлов представлял себе абаканских татар как «смесь самых разнообразных и разнородных племен, но долголетним обращением между собой слившихся в отношении языка и обычаев почти в одно целое»⁴. Правильно называя абаканских татар (т. е. качинцев, бельтиров, койбалов, сагайцев) этнической смесью, Радлов в то же время ошибочно и без всяких доказательств предположил у них единство в отношении обычаев, подразумевая, следовательно,

² Вариант предания, объясняющего происхождение названия Сагайской думы, приводится у Н. Ф. Катанова, Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX (перевод), СПб., 1907, стр. 45².

³ Ср. Н. Ф. Катанов, Письма из Сибири и Восточного Туркестана, СПб., 1893, стр. 112.

⁴ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. II, СПб., 1868, стр. X.

этнографическое единство. Однако его мнение стоит в литературе довольно одиноко.

Гмелин едва ли не первый упоминает о сагайцах. Он нашел их в 1739 г., переехав на правый берег Уйбата (левый приток Абакана) и по его южным притокам Бее и Нине. Гмелин пишет о них как о кузнецких татарах, входивших тогда по административной линии в ведомство г. Кузнецка, но указывает, что они называют себя «сагай»⁵. Он характеризует их скотоводами и отмечает, что в отличие от виденных им ранее качинцев они разводят еще коз⁶. Я нахожу, что Гмелин посетил населе-



Рис. 1. Шорское летнее жилище «юдаг»

ние, относящееся к сеоку Сагай, у которого несколько позднее оказался и Паллас. Последний обнаружил «сагайских татар» на том же месте, что и Гмелин. Паллас сообщает о них, что «во всем народе нет больше полутора ста мужчин, кои ясак платят», и также описывает их настоящими скотоводами, совершающими регулярные перекочевки, содержащими много скота, у которых даже бедняки держали по 10—20 голов крупного скота. Паллас, конечно, имеет в виду сеок Сагай. Это видно из того, что он наряду с «сагайскими татарами» пишет о «кобинских татарах», о «каргинских татарах», т. е. о сеоках Кобый и Карга, которых путешественник отличает от сагайцев⁷. Позднее эти сеоки всегда числились в составе сагайцев. Вскоре за Палласом эти места посетил Е. Пестерев. Он тоже упоминает о «сагайских ордах», не смешивая их с ордами кобинцев, каргинцев, койцев и др., называя ордами сеоки. Пестерев встретил сеок Сагай там же, где и Паллас, и отмечает у его членов многочисленные стада, особенно прекрасных лошадей⁸. Георги, описывая отдельные племена и этнографические группы народов Сибири,

⁵ J. Gmelin, *Reise durch Sibirien*, Bd. III, Göttingen, 1752, S. 280.

⁶ *Ibid.*, S. 280—281.

⁷ Паллас, *Путешествие по разным провинциям Российского государства*, т III, СПб., 1788, стр. 497, 488, 507—508.

⁸ E. Pesterev, *Remarques sur les peuples qui habitent la frontière chinoise ...*, „Magasin Asiatique...“, vol. I, Paris, 1825, p. 162.

наименования сагайцев не употребляет⁹. Отсутствуют сагайцы в перечне отдельных племен и у Клапрота, но упомянуты под именем саяи в абзаце о бельтирах¹⁰. Достоин внимания и то обстоятельство, что такие ранние авторы, писавшие о населении Минусинской котловины, как И. Пестов и известный Степанов, не упоминают сагайцев среди племен бассейна Абакана. Первый из них сообщает только, что «на сагайской степи множество улусов и юрт татар кочующих»¹¹. Второй называет их «соединенными разнородными племенами татар»¹². Впрочем, Гр. Спасский выделил сагайцев, отделив от каргинцев и бирюсинцев в отдельный народ, но отнес его к народам «смешанным»¹³. Кастрен относит сагайцев, как и бельтиров, к числу значительнейших сеоков, входящих в состав Сагайского управления «Die Vornehmsten von den Geschlechtern, die zum Sagaischen Gerichte gehören»¹⁴. И только у Радлова са-



Рис. 2. Шорский «одаг»

гайцы, наряду с качинцами, койбалами и кизыльцами, названы большим племенем, которое образовалось с течением времени из многих мелких племен¹⁵. Однако более поздний и более глубокий исследователь «минусинских татар» Н. Ф. Катанов, происходивший сам из сеока Сагай, находил нужным оговариваться, что под именем «сагайских татар» он понимает «тюркские племена, состоящие в ведении «Степной думы соединенных и разнородных племен», находящейся в с. Аскыском... Эти татары в административном отношении составляют 12 родов, из которых наиболее многочисленным считается Бельтирский; дума

⁹ Георги, Описание народов..., СПб., 1799.

¹⁰ Asia Polyglotta, Paris, 1833, p. 229. В примечании на стр. 153 Клапрот делает ссылку на дневник Мессершмидта, где «Сагаи» упомянуты в числе улусов, относящихся к самоедским племенам.

¹¹ И. Пестов, Записки об Енисейской губ. Восточной Сибири, М., 1833, стр. 89.

¹² Степанов, Енисейская губерния, ч. II, СПб., 1835, стр. 47.

¹³ «Сибирский Вестник» за 1818 г., ч. I. Изображение обитателей Сибири, стр. 1—2.

¹⁴ Castren, Reisebericht und Briefe aus den Jahren 1845—1849, St.-Pet., S. 320.

¹⁵ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 206.

же, управляющая этими 12 родами, называется обыкновенно Сагайской степной думой»¹⁶. Катанов возвращается к этому вопросу и в поздних своих работах, отмечая: «Татары аскысской инородной управы... в официальных актах делятся на 12 родов... Все роды (кроме койбал и бельтир) в официальных бумагах носят общее имя Сагай»¹⁷. Наконец, Е. К. Яковлев, обративший внимание на то, что «прошлое сагайцев еще более темно, чем у качинцев и других», подойдя в своем кратком опи-

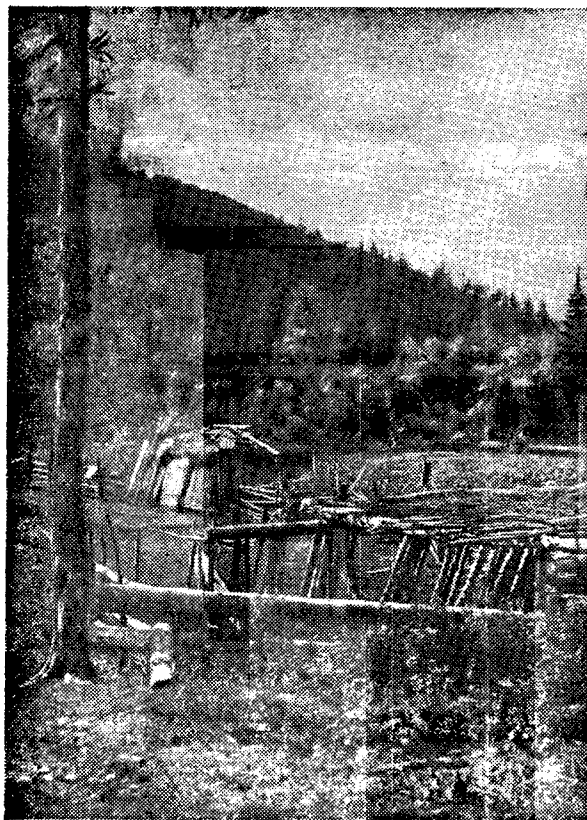


Рис. 3. Сагайское жилище «т-иб»

сании населения долины южного Енисея к сагайцам, вынужден был указать: «В настоящее время сагайцами называют народ, живущий в системе р. Абакана вверх от р. Камышты и особенно по его левым притокам до р. Маттыра, скучивая в одно целое ряд племен: бельтиров, койбалов и другие примеси финской, самоедской и тюркской ветвей, что делает исследование их крайне затруднительным»¹⁸. Как видно из этого краткого обзора литературы, термин «сагайцы» является скорее всего термином родовым, не племенным. И только в административном смысле этот термин объединял довольно разнородное в этнографическом отношении население части бассейна Абакана. На это же указывает и то обстоятельство, что Степная дума, управлявшая этим

¹⁶ Н. Ф. Катанов, Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губ., „Живая старина“, т. III, 1893, стр. 559.

¹⁷ Н. Ф. Катанов, Отчет о поездке, совершенной в 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губ., Казань, 1897, стр. 4.

¹⁸ Е. К. Яковлев, Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея..., Минусинск, 1900, стр. 10.

населением, называлась думой «соединенных и разнородных племен». Стало быть, неоднородность этого населения в этнографическом и языковом отношении была ясна и для царской администрации. И все-таки нужно признать, что мнение Радлова о сагайцах оказывает влияние до нашего времени. В академических изданиях списков народов, опубликованных уже после Октябрьской революции, сагайцы выделяются как отдельная народность. В «Списке народностей Сибири», опубликованном С. К. Паткановым с поправками А. Н. Самойловича, сагайцы выступают самостоятельно¹⁹. Они фигурируют как отдельная народность с особым сагайским языком и в широко известном «Списке народностей СССР», изданном Академией Наук СССР под редакцией И. И. Зарубина²⁰. Наконец, в Большой советской энциклопедии о них



Рис. 4. Сагайское жилище «кат-иб»

говорится как о племени хакасской народности, обитающей в Аскысском районе Хакасии²¹. Чтобы окончательно доказать несостоятельность наименования сагайцы для всего того населения, которое входило в ведомство Степной думы соединенных и разнородных племен (называвшейся позднее Сагайской, а затем и Аскысской степной думой), и выяснить ее этнический состав, я считаю необходимым обратиться к рассмотрению административных и фактических (этнографических) родов, объединявшихся этой думой. По официальным данным, в нее входили следующие административные роды (по сведениям 1858 г.): 1. Бельтирский — 1787 душ обоего пола; 2. Койбальский — 1166; 3. Сагайский 1-й половины — 1375; 4. Сагайский 2-й половины — 1379; 5. Кивинский — 1893; 6. Кизильский — 204; 7. Ближнекаргинский — 1803; 8. Дальнекаргинский — 531; 9. Карачорский — 603; 10. Кийский — 330; 11. Казановский — 460; 12. Изушерский — 553.

¹⁹ С. К. Патканов, Список народностей Сибири, Изд. Росс. Академии Наук, Петроград, 1923, стр. 6, 13.

²⁰ Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, № 13, Л., 1927, стр. 36.

²¹ БСЭ, т. 50, стр. 97.

Из перечисленных Койбальский род до 1858 г., когда была произведена X ревизия, составлял самостоятельную Койбальскую степную думу, а затем она была влита в Думу соединенных и разнородных племен в качестве административного рода.

Теперь посмотрим фактический родовой состав в рамках каждого административного рода. Я исключаю из этого рассмотрения Бельтирский и Койбальский роды, так как в этнографической литературе они выделены в самостоятельные племенные единицы и в перечне хакасских племен всегда фигурируют отдельно от сагайцев. Таким образом, мне предстоит выяснить фактический родовой состав 10 административных родов б. Сагайской думы. Оставляя пока в стороне 2 Сагайских рода, я приведу сначала соответствующие данные по остальным 8 родам.

Рассмотрение материалов я начну с наиболее многочисленного Кивинского административного рода. Последний объединял в себе одно-



Рис. 5. Сагайское жилище «ят-иб»

родное население, относившее себя к сеоку Кобый. В данном случае административный и настоящий род совпадали. Сеок Кобый расселялся по рр. Тее, Таштыпу и его притоку Анжулу. Здесь кобийцев нашли Паллас и Пестерев во второй половине XVIII в. Первый пишет о них, как о «кобинских татарах» или кобинском поколении, состоящем из 53 луков, а второй — как о кобинской орде. Оба путешественника отмечают, что кобийцы лет 35—40 тому назад пришли в эти места из Кузнецкого округа с р. Мрассы. Я считаю этот сеок шорским. Часть кобийцев еще до настоящего времени обитает в Шории по р. Кобырзу, правому притоку Мрассы, где я посетил их в 1934 г. У Радлова и Адрианова Кобый также фигурирует в числе шорских сеоков²². У Катанова со слов населения Асыкского района записано предание о том, что кобийцы пришли в бассейн Абакана с р. Мрассы, именно с р. Кабырсу-

²² Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 214; А. В. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., Записки ИРГО по общей географии, т. XI, СПб., 1888.

га²³. Мне также удалось записать ряд аналогичных преданий уже в 1946 г., т. е. 50 лет спустя. Старик Кобонг Боргояков, живущий в верховьях Тёи, говорил: «Мы прасские люди (т. е. мрасские.— Л. П.) В Сагайской думе нас после бельтиров всех больше было, потом уж каргинцы за нами шли». Старик Арок Боргояков из селения Усь-Чул сообщил мне, что их предок Боргояк вышел из Кузнецкой тайги: «Кидердинг сыккан», как он выразился²⁴. Здесь на р. Тёе у него родился сын Очот. У Очота затем родилось 7 сыновей, которые и дали начал 7 фамилиям абаканских кобыйцев. Со времен Очота, по счету старин Арока, прошло 5 поколений²⁵.

По данным архива б. Сагайской думы или Думы соединенных разнородных племен, частично сохранившимся и находящимся в г. Абакане, я обнаружил в делах за 1832 г., что в это время часть населения Кивинского рода (т. е. сеока Кобый), числящаяся в Сагайской думе проживала в Шории на р. Кобырсе²⁶. Из этих же данных видно, что Кивинский административный род на 1 июля 1832 г. состоял из 175 семейств, заключавших в себе 804 души обоего пола²⁷. Любопытно, что из 175 семейств 81 семья продолжала заниматься исключительно звероловством, 67 семейств занимались скотоводством и звероловством, 20 семейств — хлебопашеством и звероловством. Кроме того 6 семейств находились «в наймах в качинцах» и одна семья — «в наймах своего рода». Следовательно, кобыйцы, как и прочие сеоки южной Шории, еще в первой половине XIX в. были по образу жизни охотниками-звероловами.

Разумеется, можно предположить, что сеок Кобый издавна жил в бассейне Абакана, а затем часть его переселилась из этих благоприятных для скотоводства и земледелия мест в суровую и дикую природу бассейна Мрассы, где, кроме охоты, заниматься ничем нельзя. Однако такое предположение едва ли можно признать правильным. Напротив, именно суровость природных условий в бассейне Мрассы, при слабом развитии труда пеших звероловов-кобыйцев, делала исключительно тяжелым поддержание необходимого уровня материальной жизни для сколь-либо значительного количества населения. Вот это-то и заставило шорские сеоки, в частности кобыйцев, переселяться в лучшие места, где имелась возможность перехода к более обеспечивающим их хозяйственным формам. При этом новые природные условия позволяли им не бросать и старинное коренное занятие — звероловство. Поэтому новые хозяйственные формы скотоводства и земледелия сочетались здесь еще в XIX в. с привычным звероловством. Все это хорошо согласуется и с приведенными выше преданиями о переселении кобыйцев с Мрассы (а не наоборот), где нередко указывается, что причиной этого переселения была возможность освоить места, более благоприятные для разведения скота.

В пользу шорского происхождения сеока Кобый говорят и другие весьма убедительные данные как исторические, так и этнографические. Прежде всего напомним, что Кивинский административный род, в XVII в. называвшийся Кобинской волостью, упоминается уже в документе 1634 г. живущим на р. Мрассе и платящим дань енисейским кыргы-

²³ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, стр. 473.

²⁴ Кобыйцы называют Кузнецкую тайгу „Кидер“ или „Абатура чир“.

²⁵ После Очота был Мыкыйта, после Мыкыйты — Акый, дед Арока, после Акыя — Мукулча, отец Арока. Я нашел в Абаканском архиве (фонд 2, опись 1, дело № 135), что Мыкыйта (т. е. Никита) Очотов действительно жил и умер около 1832 г., а Акыю, деду Арока, в 1832 г. было 14 лет.

²⁶ Абаканский государственный архив, фонд 2, опись 1, дело 135. Именной список инородцам Минусинского округа ведомства Степной думы соединенных разнородных племен Кивинского рода.

²⁷ Среди 175 семейств Кивинского рода по официальному списку встречаются большие семьи, численностью до 20 и свыше человек.

зам²⁸. Стало быть, в первой половине XVII в. кобыйцы также обитали в южной Шории. Этнографический материал, свидетельствующий о шорском происхождении кобыйцев, весьма велик и в значительной мере не может быть использован в рамках настоящей работы. Из него я приведу здесь только, и то в кратком изложении, данные о родовой охотничьей территории кобыйцев и о культе родовых гор. Как говорилось выше, кобыйцы являются коренными охотниками-звероловами. Следовательно, вопрос о родовых охотничьих угодьях для них является основным и он поможет правильно решить весь вопрос о «прародине» сеока Кобый в целом. Родовые охотничьи угодья сеока Кобый находятся в Шории, как я установил это в 1934 г. Память о них еще настолько жива у старшего поколения, что они без всякого труда называли мне ряд мест, которые считают своими родовыми угодьями. Эти угодья располагались: для ближней охоты — в районе горы Кара-тага и Коль-тайги в бассейне р. Мрассы и ее водораздела с Таштыпом, а для дальней охоты, — в верховьях р. Томи (речки Козугол, Тузаксуг и др.)²⁹. Родовых охотничьих угодий сеок Кобый в бассейне Абакана или Енисея не имел. Во всяком случае никто из стариков кобыйцев ни на Мрассе, ни в бассейне р. Тёи, где я собирал этнографические сведения, не мог мне об этом сказать и не мог назвать какую-либо речку из этих мест как родовую территорию. Это вполне естественно, так как сеок Кобый в указанных местах своей родовой собственности на охотничьи угодья не имел. Поэтому, когда кобыйцы заходили охотиться, например, в верховья Малого Абакана, их прогоняли оттуда и отбирали у них пушнину челканцы, которые считали эту территорию своей родовой собственностью. Когда же кобыйцы пытались охотиться в верховьях Кемчика, их прогоняли оттуда тувинцы³⁰. Так было и во второй половине XVIII в., во времена Палласа, который, описывая абаканских кобыйцев, замечает: «Понеже в их дачах соболий промысел не корыстен, то, чтобы заплатить ясак, походят они в леса по ту сторону Енисея в Красноярскую волость. Однако койбальцы, кои по некоторому праву присваивают сии места к себе, им ловить тут мешками не дают, а коли поймают, то, отняв добычу или снасть и поколотив, домой отпускают»³¹. Такое положение заставляло охотников из сеока Кобый, выселившихся из Шории, ходить на охоту на свои старинные родовые угодья. Так они поступали почти до наших дней. Я записал в верховьях р. Тёи в 1946 г., что местные кобыйцы еще 15—20 лет тому назад ходили охотиться в верховьях р. Томи. Таким образом, факт наличия родовых охотничьих угодий у сеока Кобый в Шории в совокупности с тем, что говорилось выше, вполне решает вопрос о шорском происхождении этого сеока. Не менее показательными в этом отношении являются данные, связанные с почитанием родовой горы, столь характерным для племен северного Алтая, к которым принято относить и шорцев. Мне уже удалось показать в специальной работе, что у северных алтайцев почитаемая сеоком та или иная гора находится на его родовой территории, что культ родовых гор явился только отражением реально существовавшей здесь общинно-родовой собственности на определенную территорию³². Родовая собственность на определенную территорию являлась основной экономической связью членов рода, которая настолько сильно пропитывала сознание членов сеока, что сеок свое существование неразрывно связывал с определенными родовыми гора-

²⁸ Миллер, История Сибири, т. II, стр. 410. Впервые эта Кобинская волость (Кобы) упоминается в документе 1616—1617 гг. (там же, т. I, стр. 416).

²⁹ Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, Л., 1936, стр. 131—136. Родовые кедровники сеока Кобый были расположены в верховьях Кобырсу.

³⁰ Там же, стр. 131—138.

³¹ Паллас, Путешествие по разным провинциям Российского государства, т. III стр. 151.

³² Л. П. Потапов, Культ гор на Алтае, «Советская этнография», 1946, № 2.

ми, отождествляя их с мифическими предками. Отсюда вытекает существенный вывод. Если тот или иной сеок почитает определенную гору как гору родовую, это является достоверным указанием и на то, что она входила некогда в состав его родовой территории. В данной связи я и нахожу уместным привести соответствующий материал, собранный мной в 1946 г. в бассейне р. Тёи

У сеока Кобый, вплоть до первых лет Великой Октябрьской социалистической революции, устраивалось раз в три года большое летнее общественное моление, посвященное родовой горе (Таг-Таих). Это моление происходило всегда в одном и том же месте. Оно имело целью испросить благополучие молящимся сородичам в отношении рождения детей (получение «кут» — зародышей на детей), удачи в охоте, благополучия для скота и обилия урожая (пала, ак, мал, тамак). Моление носило ярко выраженный родовой характер. Все расходы, связанные с ним, раскладывались поровну на членов сеока Кобый и причислялись к подати. На это моление съезжались как его равноправные участники кобийцы, где бы они ни проживали, так и многие посторонние из других сеоков, но уже в качестве гостей. Моление происходило в долине высохшего ручья «Имчек карасу» у небольших холмов Имчек-таг, расположенных по берегу ручья³³. День моления назначался старшинами. В сеоке Кобый, возглавлявшемся родовым старостой (кнес), было 7 старшин, по количеству тóлей (фамилий, в прошлом больших семей). Старшины были помощниками родового старосты в административных делах (собирали подать, разбирали мелкие дела, следили за выполнением предписаний Степной думы и т. п.). Накануне назначенного дня к вечеру в местность Имчек карасу съезжались все кобийцы, привозя с собой продукты, вино, скот, предназначенные в жертву и для угощения. В этот вечер и ночью заканчивали все приготовления к молению, которое начиналось утром.

Приходившие на родовое моление кобийцы располагались в определенном порядке, группируясь по тóлям, возглавляемым старшинами. На правом берегу ручья располагались кобийцы, живущие в бассейне р. Тёи (тёо — истиндеги чон), к ним присоединялись кобийцы, проживающие в долине Абакана. На левой стороне ручья размещались кобийцы бассейна Таштыпа (Таштып истиндеги чон). На каждой стороне ручья происходило дальнейшее подразделение кобийцев в смысле размещения. На правой стороне располагались три следующие группы: 1) группа кобийцев, обитающих в бассейне верхнего течения Тёи до Усь-Чуля включительно, во главе со своим старшиной; 2) группа, живущая в бассейне нижнего течения Тёи, объединяемая старшиной, проживающей в селении Нижняя Тёя (Кök-Кая-бары); 3) группа кобийцев, расселенных в долине Абакана, находившихся также в ведении особого старшины. Каждая из этих групп разводила свой костер (от), каждая колола свою корову или бычка (казра). На левой стороне ручья кобийцы образовывали четыре группы: 1) кобийцы из долин Большого и Малого Сыров (Оленг-Чазы); 2) кобийцы долины Анжула (Ан-Чул); 3) кобийцы из долины Матура; 4) кобийцы из Карагая (Карагай-бары).

Здесь также каждая группа раскладывала собственный костер и колола корову.

Таким образом, кобийцы разделялись на семь групп, из которых каждая возглавлялась старшиной и разводила собственный огонь, колола скотину для угощения мясом. Вместе с тем, на левой же стороне высохшего русла ручья разводился еще восьмой, общеродовой огонь. Около этого огня кололи лошадь, мясо которой шло на угощение всех ко-

³³ Ручей этот находится близ селения Усь-Чуля. Вследствие того, что это место было постоянным для родового моления кобийцев, ручей этот носил еще название «Таг Камнатчан Карасу». т. е. родник, где совершается моление горе.

быйцев. У общего огня рассаживались наиболее старые и уважаемые люди из сеока Кобый, а также почетные гости. Родовой староста и старшины также во время моления находились у общего огня. И только время от времени они ходили к своим кострам, чтобы наблюдать за порядком. Женщины и девочки (за последнее время) также присутствовали на этом молении, но находились поодаль.

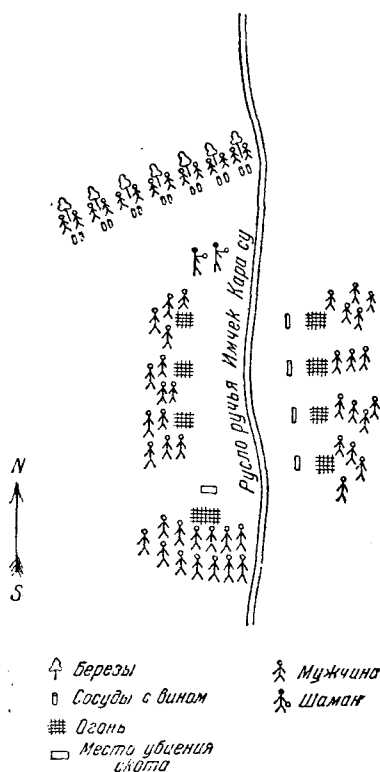


Схема моления сеока Кобый

Окончательные приготовления к молению заканчивались к утру. К этому времени на правой стороне ручья против общеродового огня, но выше по течению, вкапывалось в ряд семь березок, по одной от каждой группы. Под каждой березой ставили по одному сосуду, берестяному или деревянному, с вином и брагой (абырткы). Моление начиналось утром при восходе солнца и производилось двумя шаманами, камлавшими поочередно. Их бубны нагревали над общим огнем. К моменту моления каждая группа выделяла к своей березке по два человека из наиболее старых и уважаемых лиц (старшины никогда не выбирались для этой цели). Один из них назывался «килиг тутчан кизи» и должен был подавать угощение вином горам (брызгать вверх), когда это было необходимо по ходу моления (молоком при этом молении родовую гору не угощали, что указывает на то, что культ этой горе возник еще в Шюрии на Мрассе, где молочного скота никогда не разводили и где еще до сего времени дети не знают вкуса коровьего молока). Второй носил название «пус тутчан кизи» и должен был своевременно поднимать вверх деревянное блюдо с мясом, предназначенным для угощения родовой горы. Перед началом моления эти лица привязывали к своей березке ленточки черного, красного и белого цветов. Моление начиналось, как только было готово жертвенное мясо. Каждая группа клала в особое деревянное блюдо вареного мяса от различных частей своей коровы;

кроме того, добавляла в него и несколько кусочков мяса от лошади, варившейся на общем огне. Шаманы находились у березок. Место выше (по течению) этих березок называлось «кам чолы ачык полар керек» — дорога камов. Здесь никто не мог проходить, даже из людей сеока Кобый. Если туда кто попадал, хотя бы и случайно, его били. Моление, как говорилось, обращалось к родовой горе. У кобийцев это была гора Кара-таг, находящаяся в Шории, в бассейне р. Мрассы³⁴. Поэтому-то шаманили два шамана поочередно, так как путь их в Шорию к родовой горе был долгим и утомительным, что было не под силу одному шаману. В процессе камлания, по пути к Кара-тагу шаманы называли отдельные, чем-либо примечательные горы и чествовали их возгласом «сек!». Выделенные для угощения гор лица брызгали им брагой и приподнимали вверх блюда с вареным мясом. Добравшись до Кара-тага, шаман угощал его от каждой группы или тӧля сеока Кобый, называя эти тӧли (например, тӧль Боргояковых). В это время бубен изображал символически чашу, из которой родовая гора пробовала чистое, не отведавшее ни одним человеком вино. Шаман, угостив родовую гору вином и мясом, испрашивал у нее благополучие в жизни, плодородие женщин и т. п. Иногда родовая гора Кара-таг тут же посылала тому или иному тӧлю и даже отдельному лицу «касхах», т. е. счастливое предназначение о рождении ребенка, приплоде скота, урожае или удачной охоте на зверя. Шаман в таком случае выкрикивал, что такому-то тӧлю касхах идет, и бросал его (символически) в блюдо с вареным мясом того или иного тӧля. Все кричали: «такому то тӧлю касхах упал!» Тогда старший из этого тӧля подходил к человеку, державшему блюдо с жертвенным угощением, и получал от него кусок мяса, который сразу делил между членами своей фамилии или группы³⁵.

Не ставя себе задачей подробно описать это моление кобийцев, кстати сказать, в литературе не описанное, я хочу только показать его общественный родовой характер и подчеркнуть, что родовой горой своей кобийцы считают до сего времени гору Кара-таг, находящуюся в Шории. Это находит свое подтверждение еще и в том, что шаманы, происходившие из сеока Кобый, получали шаманское призвание и указание о характере и размере бубна именно от Кара-тага. Родовая гора Кара-таг определяла пригодность шамана к служению, назначала ему определенное число бубнов, которое ему предстояло иметь в течение жизни и которым определялась его долговечность. Когда шаман «ставил» изыха, т. е. посвящал духам лошадь в какой-либо семье из сеока Кобый, то «кут» (т. е. душу) этой лошади он вел в Шорию и показывал родовой горе Кара-тагу, которая определяла пригодность этой лошади в качестве изыха.

Рассмотрим теперь Ближне-Каргинский и Дальне-Каргинский административные роды, которые не совпадали с фактическим родом. Официальное название их дает повод думать, что здесь мы имеем дело с

³⁴ По записям Катанова 1892 г. (Образцы народной литературы..., т. IX, стр. 590), сделанным в улусе Кызласове по р. М. Есь, населенном сеоком Суг-Карга, кобийцы раз в три года шаманили горе Кӧль-тайга, находящейся в верховьях Малого Таштыла, у подножия которой жили предки кобийцев. Камлали на этом молении всегда два шамана. Катанов неверно полагает, что моление происходило на этой горе. И в то время, и еще раньше кобийцы собирались на родовое моление, как я уже указал, в местности Имчек-таг. Это моление кобийцев, хотя не полно и искажено, но все же было описано в 1884 г. свящ. П. Суховским, который местом этого моления также называл русло высохшего ручья Имчекты (Енис. Епарх. вед., 1884, № 21). Гора Кӧль-тайга, как и гора Каргыш, которой, по неправильному мнению Суховского, якобы приносили жертву кобийцы, только упоминалась в этом молении наряду с другими. Центральным же моментом всего моления было обращение к родовой горе Кара-тагу.

³⁵ Сообщено Кобангом Боргояковым, 78 лет, из сеока Кобый, живущим в верховьях Тан в улусе Ыӱт-алы.

родственными сеоками. Так и было в действительности. Ближне-Каргинский административный род объединял сеоки: 1) Таг-Карга (горные Карга), 2) Сайын, 3) Себичин или Себиджин. Дальне-Каргинский административный род включал сеоки: 1) Суг-Карга (водные Карга), 2) Туран. Последний сеок входил и в Сагайский 1-й половины административный род. К Дальне-Каргинскому административному роду были причислены, видимо, только те члены этого сеока, которые территориально находились среди населения Дальне-Каргинского рода. Эти сеоки в бассейне Абакана были расселены следующим образом: Суг-Карга по р. Тее и Большой и Малой Еси; Таг-Карга по Таштыпу и частично по Еси; сеок Сайын преимущественно по р. Еси (ниже слияния), а сеок Себичин — по р. Аскысу. О кровном родстве двух основных родов: Таг-Карга и Суг-Карга, входивших в указанные административные роды, говорит их экзогамность. Оба эти рода, а также сеок Сайын раньше были строго экзогамны, что чувствуется частично еще и в настоящее время. Все эти сеоки, за исключением сеока «Туран», я также отношу к шорским сеокам. Каргинская волость упоминается среди ясашных кузнецких волостей вместе с Кобинской в документе 1616—1617 гг.³⁶ Уже с XVII в. Каргинская волость локализуется по р. Кондоме³⁷. Паллас и Пестерев фиксируют каргинцев в системе Абакана в конце XVIII в. с ссылкой, что они переселились сюда из Кузнецкого округа (т. е. из Шории). Катанов записал ряд преданий о переселении этих сеоков из Шории. В одном из них говорится: «Наши водяные каргинцы пришли с речки Мрассы, спустившись с Черных гор. Предки их были братья, которые, деля перья орла, рассорились и разошлись; один брат сделался водяным каргинцем, а другой — горным каргинцем. Потомки братьев этих каргинцев и теперь жуют по Кебир-сугу и Мрассу»³⁸. В другом предании сообщается о горных каргинцах: «Против хребта Кёлим, на другой стороне Мраса, есть еще одна гора, называемая Каратаг. Собственно имя Каратаг носят две горы, это — горы, у которых жили предки горных каргинцев. Часть нашего народа осталась у этих гор. Их женщины называют эти горы своим тестем (свекром. — Л. П.), а наши здешние женщины тестем не называют. Наши шаманы во время камлания упоминают эти горы. Говорят, что на этой горе Каратаг есть каменная колыбель. Эту каменную колыбель видали прежде, а теперь не могут увидеть ее. Эта колыбель была колыбелью прежних наших отцов»³⁹. В третьем предании подчеркивается: «В ту сторону, на берегу Мраса, есть еще один хребет по имени Кёлим. Водяные каргинцы называют его горой, у которой жили их предки. Они приглашают шаманов камлать на (? — Л. П.) этой горе и приносят жертву. Но женщины не считают этой горы своим тестем (свекром. — Л. П.)»⁴⁰. В предании, записанном мной в верхней Тее, также говорится что сеок Карга пришел на Абакан из Шории, из бассейна р. Томи. Когда каргинцы дошли до хребта Улленьсыны (образует водораздел притоков Томи и Абакана), они разделились на Суг-Карга, которые ушли на Есь, и на Таг-Карга, поселившихся на Тее. Эти предания находят подтверждение в документальном материале. По официальным данным, составленным на 1 июля 1832 г. (для Ясачной комиссии), ряд семей Ближне-Каргинского рода Степной думы сое-

³⁶ В. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, стр. 446.

³⁷ Сибирский приказ, кн. № 10, лл. 49—52, 124; ссылка у С. А. Токарева, Докапиталистические пережитки в Ойротии Л., 1936, стр. 81; Миллер, История Сибири, т. II, стр. 370.

³⁸ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, стр. 585.

³⁹ Там же, стр. 589.

⁴⁰ Там же.

диненных разнородных племен еще проживал по р. Томи, хотя большинство их было сосредоточено по рр. Тее, Аскысу и Еси⁴¹. По этим же данным, в отношении Дальне-Каргинского рода оказывается, что 58 семей его кочевало по Мрассе, занимаясь звероловством, а 46 семей кочевало по Таштыпу и Еси, сочетая звероловство со скотоводством⁴². Если учесть, что в Дальне-Каргинском административном роде Степной думы соединенных разнородных племен было всего 105 семей, то нужно признать, что большинство населения этого сеока еще в 30-х гг. XIX в. проживало в Шории. Сеок Карга находится в списке шорских родов у Радлова, Адрианова и по моим записям. Я зарегистрировал его по р. Мрассе (выше порога) и по рр. Кондоме и Антропу⁴³.

Мне остается подкрепить мои доказательства еще этнографическим материалом. Прежде всего укажу, что родовая охотничья территория сеока Карга находится в Шории, в бассейне р. Томи⁴⁴. В эти старинные родовые угодья ходили бить зверя и абаканские каргинцы. Охотник Егор Пастаев из селения Маныгасал по р. Тее говорил нам: «Алында пис Сор сугсар ангнап чөрченгмис. Анда улуг таскыл полчан Сор таскыл тип адачангнар аны» (раньше мы ходили охотиться на речку Шорсуг. Там есть большой белок, Шор-таскыл называли его). Речь идет здесь о речке Шорсуг (левый приток Томи) и о снежной горе Шор-тайка, где берет начало одна из вершин Шорсуга, т. е. об области, откуда, по преданию, вышла часть каргинцев в систему р. Абакана. О шорском происхождении сеока Карга убедительно говорит и родовое моление их горе Падын-тагу, находящейся в Шории, на правой стороне Мрассы, близ Кара-тага, где были места для ближней охоты каргинцев. Моление устраивали раз в три года. Это моление было родовым для сеоков Таг-Карга, Суг-Карга и Сайын. Все население бассейна р. Тёи, принадлежащее к этим сеокам, устраивало моление родовой горе (тёстаг) всегда в одном и том же месте — у подножья горы Тунь-кая, около 10 км от селения Маныгас-ала вверх по р. Тее. Старший в роде заранее предупреждал о дне моления, устраивавшегося обычно в начале лета. Сородичи готовили вино, брагу — абырткы, различное угощение. Сеок Сайын участвовал в этом наравне с каргинцами. На общие средства членов сеока покупались лошадь и корова. В покупке этих животных сайынцы уже не участвовали. Подготовка к молению происходила в течение трех дней. В первый день свозили к месту моления различную посуду и продукты. Во второй день выкуривали вино и готовили араку для угощения родовой горы и строили «одаг» в виде навеса, покрытого травой⁴⁵. Навес делали для шаманов, чтобы в жаркий день они «не потели» (т. е. не очень утомлялись), а в дождливый были сухими. Шаманов обычно было двое, так как дорога к родовой горе считалась весьма дальней и трудной. На третий день с утра съезжались сородичи и гости. Моление происходило под большой березой на берегу Тёи. Сородичи привязывали к ней перед началом моления цветные ленты (синего, желтого, белого, красного цвета). Это делали в последнее время преимущественно наиболее старые люди сеока, имевшие своих изыхов. Каждый

⁴¹ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 131. Именной список инородцев Минусинского округа ведомства Степной думы соединенных разнородных племен Ближне-Каргинского рода, составлен в июле 1832 г.

⁴² Там же, фонд 2, опись 1, дело № 133. Именной список инородцам Минусинского округа ведомства Степной думы соединенных разнородных племен Дальне-Каргинского рода.

⁴³ Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 17—18.

⁴⁴ Там же, стр. 134.

⁴⁵ Одаг — древнее шорское жилище, сохранившееся местами в Шории до наших дней. Этим же термином шорцы и абаканские кобыйцы и каргинцы называют охотничий балаган на промысле — см. Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, стр. 109—110.

маны. Впереди них, ближе к жертвенной березе, стояли два старика: один (пус тутчан кизи) с деревянным блюдом, на которое выкладывали жертвенное мясо, второй (илиг тутчан кизи) у сосудов с жертвенной брагой и вином. Мужчины сидели левее жертвенного огня, у самого одага с шаманами. Шаманы начинали камлать, как только поспевало мясо. Когда они называли почитаемые горы и реки, один старик подымал вверх блюдо с мясом, где находились сердце и печень заколотых животных, а также рыба, второй кропил вином и абырткой⁴⁶. Шаманы камлали весь день без отдыха, не выходя из одага (даже мочились в штаны, рассказывали старики), настолько трудна была дорога к родовой горе. Они время от времени подкреплялись вином. Когда шаманы достигали Падын-тага, они упрощали ее принять жертву и угощали вином и абырткой⁴⁷. Угощали символически. Бубен в это время изображал чашу, которую подносил горе старший шаман. Падын-таг спрашивала: «Аксалыг кизи амзабан палмазын?» (Не пробовал ли человек, имеющий рот?). «Ериниг кизи емзебен палмазын?» (Не лакал ли сопливый человек?). Шаман успокаивал Падын-тага ответом, что никто из людей не пробовал этого вина и браги, и умиловленная подношением Падын-таг выслушивала просьбы шамана о благополучии молящихся сеоков, об удаче в охоте и обилии зверя, о благополучии скота, о хорошем урожае. Затем шаман угощал родовую гору от лица отдельных хозяев. В этом случае Падын-таг определяла судьбу того или иного человека на ближайшее время и предсказывала порой удачу, например, рождение ребенка или обильный урожай и т. п. Когда шаман извещал о благоволении родовой горы к кому-либо, он называл это лицо по имени и говорил «касках тышти», т. е. «счастливое предзнаменование упало». Такой «счастливец» немедленно поднимался, подходил к жертвенной абыртке и угощал ею родовую гору в знак благодарности. Позднее, когда сбывалось предсказание, он благодарил гору либо посвящением ей изыка — животного, рожденного по ее предсказанию (тагданг тирен мал), либо, в случае хорошего урожая, делал после уборки хлеба абыртку и угощал ею родовую гору уже без помощи шамана. Среди лиц, снискавших расположение Падын-тага, бывали члены сеока Сайын. По окончании моления на месте его происходил пир. Жертвенное мясо, рыба и все кости сжигались перед разездом с моления. Главную роль в этом молении играл сеок Карга. Люди из сеока Сайын допускались лишь к менее ответственным ролям и главным образом те, которые были женаты на женщинах из сеока Карга.

Изложенный материал свидетельствует, что именно Падын-таг, находящаяся в Шории, была родовой горой каргинцев. Об этом же говорят и другие данные. Шаманы из сеока Карга, например, называют гору Падын-таг своим отцом. Когда появляется новый каргинский шаман, он идет к Падын-тагу с провожатым шаманом как бы утверждаться в шаманском призвании. При изготовлении бубна и колотушки то и другое шаман показывает Падын-тагу и с ее одобрения начинает ими пользоваться. Все это не оставляет сомнения в том, что родовой почитаемой горой у каргинцев Падын-таг стала во времена, когда сеок Карга обитал только в Шории.

Таким образом, оба основных сеока Ближне-Каргинского и Дальне-Каргинского административных родов следует считать шорскими⁴⁸. Что

⁴⁶ У шорцев-охотников сердце и печень убитого зверя считались лучшим угощением хозяина горы во время промысла. Печень и сердце, которыми каргинцы угощали горных хозяев во время камлания, после моления сжигали на жертвенном огне.

⁴⁷ Обычно родовая гора долго не открывала дверей шаманам, которым приходилось еще отбиваться от злых собак Падын-тага.

⁴⁸ Ближне-Каргинская и Дальне-Каргинская волости официально существовали в Кузнецком округе после 1858 г. в числе мрасских волостей.

же касается сеока Сайын, то, как говорилось выше, он считается у каргинцев родственным им, точнее «киринди сеок», т. е. «сеоком-приемышем». В объяснение этого родства существует ряд преданий, рассказывающих о том, как произошло их слияние, записанных Катановым в 1889—1890 гг. и мной в 1946 г. Во всех этих преданиях говорится, что сеок Карга принял в свой состав предков сеока Сайын с предварительным испытанием в меткости стрельбы из лука⁴⁹. Однако в предании, записанном мной от старика Трофима Тыгдымаева (сеок Сайын), живущего в улусе Манньгас-ал, имеются весьма интересные моменты. Здесь говорится, что каргинцы принимали Сайын в свой состав еще на р. Томи, где и происходило испытание предка сайынцев в стрельбе из лука, что начальником у каргинцев был в то время Кучум. Следовательно, в предании имеются указания на датировку и место, где произошло это событие. На родство Сайын с шорским сеоком Карга указывает и то обстоятельство, что у них был общий культ родовой горы Падын-тага, находящейся в Шории. При посвящении лошади в изыхи у сеока Сайын шаман вел ее к родовой горе Падын-тагу и угощал ее от имени хозяина, ставившего изыха. При этом угощали Падын-тага рыбой, кандыком, лепешками, а скота не кололи, что может служить косвенным указанием на охотничий образ жизни в прошлом у сайынцев, как и у шорских сеоков. Бывало, говорили мне старики в долине р. Тёи, что сеок Сайын, обитавший в основном по р. Есь (ниже слияния Большой и Малой Еси), сам устраивал моление родовой горе. Оно происходило в долине Еси близ селения Сайын-ал совместно с каргинцами, жившими в том районе. Но здесь руководящую роль в родовом молении горе уже играли старики из сеока Сайын. Все это позволяет считать сеок Сайын тоже шорским.

В отношении сеока Себичин, или Сибиджин, представляется также возможным высказаться за его шорское происхождение. Радлов утверждает, что этот сеок входит в состав сеока Таг-карга⁵⁰. У Катанова приводится предание о том, что предки сибиджинцев жили у подошвы горы Падын-тага, находящейся в Шории. «Сибиджинские женщины считают эту гору своим тестем (свекром.— Л. П.), ее упоминают в шаманских молитвах»⁵¹. Мне сообщили на Тёе, что сеок Себичин устраивал горное моление ежегодно в Ильин день на горе Читти-жыс, по р. Бейке (приток р. Базы, впадающей в Аскыс). Моление совершалось стариками без участия шаманов. Присутствовали на нем только одни мужчины. Родовую гору, имя которой тейские старики не могли мне назвать, угощали вином, абырткой и кололи для нее семь белых ягнят (кураганов — холощеных барашков). Женщины располагались внизу у горы. Они привозили туда вино, мясо и другое угощение и пировали одни. К сожалению, мне не пришлось быть в долине Базы и выяснить этот вопрос непосредственно у себичинцев, но, судя по приведенному выше преданию, записанному Катановым, родовая гора этого сеока, видимо, находится в Шории. Наконец, мне кажется допустимым сблизить сеок Себичин с шорским сеоком «Себи», зафиксированным в Шории Радловым, Адриановым и мной на реке Кондоме⁵². Здесь этот сеок жил и в первой половине XVIII в., так как в одном из документов 1722 г. говорится о Себийской волости, как Кондомской «ясашной волости»⁵³. После

⁴⁹ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, стр. 349.

⁵⁰ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 208.

⁵¹ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. XI, стр. 589.

⁵² Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 214, сеок „Себе“; Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г.; Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, стр. 17—18.

⁵³ Памятники Сибирской истории XVIII в., стр. 319—322.

Х ревизии 1858 г. жители этого сеока в Шории принадлежали к Кондомско-Бежбояковой и Кондомско-Борсояцкой административным волостям Кузнецкого округа.

В результате изложенного я прихожу к выводу, что все фактические сеоки, входившие в Ближне-Каргинский и Дальне-Каргинский род Сагайской степной думы, являются по своему происхождению и недавнему прошлому шорскими, за исключением сеока Туран, для которого у меня нет оснований причислять его к шорским и о котором мне придется сказать несколько дальше.

Следующим административным родом из состава Сагайской степной думы, связанным своим происхождением с Шорией, необходимо считать Карачорский род. Он совпадал с фактическим родом, настоящее название которого было «Сор» или «Шор». Представители этого сеока в системе Абакана жили по рр. Моноку (правый приток Абакана), Абакану, Сее и Большому и Малому Сырам. В XVII в. он назывался в русских официальных документах Карачорской волостью, относящейся к Кондомским волостям⁵⁴. Чорская волость вместе с Сарычорской упоминается наряду с Каргинской, Кобинской и другими в челобитной томского казака Ив. Теплинского около 1617 г. Этот сеок относится к одному из коренных шорских сеоков, от которых и получили название шорцы и современная Шория. Паллас называет их «шорскими татарами», а Пестерев — «хор-зами»⁵⁵. По официальным данным Степной думы соединенных разнородных племен на 1 июля 1832 г., большинство сеока Сор в то время проживало в Шории по системе р. Мрассы⁵⁶. Из общего числа 166 хозяйств, числившихся в составе Карачорского административного рода, 112 хозяйств жило по р. Мрассе и 3 хозяйства — на Кондоме. По роду занятий они распределялись следующим образом: исключительно звероловством занималось 113 хозяйств, это были шорцы, живущие на Мрассе и Кондоме; скотоводством и звероловством было занято 42 хозяйства, обитающих в системе р. Абакана.

Сеок Шор или Сор является одним из наиболее распространенных до сего времени в Шории сеоков. Радлов и Адрианов дают в списке шорских родов сеоки: Кара-шор и Сары-шор. Мной отмечен еще сеок «Узут-шор» и «Кызыл-шор»⁵⁷. Большинство населения этих сеоков до сего времени расселено в бассейне Кондомы, где в XVII в. были Карачорская, Сарычорская (иногда Сачаровская) и просто Чорская волости. Шорская волость была на Кондоме и в XVIII, и во 2-й половине XIX в.⁵⁸. Охотничьи угодья этих сеоков находились еще в конце XIX в. в верховьях р. Кондомы⁵⁹. Это относится и к абаканским шорцам, доказательством чего служит их родовое моление почитаемой родовой горе. Сеок Сор устраивал «таг-тайых» раз в три года, осенью. Моление всегда происходило в логу Тиренг-кол, близ улуса Ооты, на правом берегу р. Тей.

⁵⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. № 10, лл. 49—52, 124; цитировано Токаревым в работе «Докапиталистические пережитки в Ойротии», стр. 80—81.

⁵⁵ Паллас, Указ. соч., стр. 503; Pesterev, Op. cit., p. 161.

⁵⁶ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 136. Именной список инородцам Минусинского округа ведомства Степной думы соединенных разнородных племен Карачорского рода, составлен в июле 1832 г.

⁵⁷ Л. П. Потанов, Очерки по истории Шории, стр. 17—18, 132. Людей из сеока Кызыл-Шор я встречал в верховьях р. Мрассы по р. Колзасу. Адрианов зафиксировал кровное родство «Узут-шор» с сеоком «Кара-шор», проявившееся в запрещении браков между ними (кыс алышпас).— См. Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 940.

⁵⁸ Материалы для истории Сибири. Чтения О-ва любителей истории и древностей российских, 1866, кн. 4-я, стр. 61. Дополнения к III т. Землеведения Азии К. Риттера, составленные П. П. Семеновым и Г. Н. Потаниным, СПб., 1877, стр. 482.

⁵⁹ Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., Записки ИРГО по общей географии, т. XI, СПб., 1888, стр. 199.

Женщины как чужеродки не принимали участия в молении, но им разрешалось сидеть в отдалении и смотреть на происходящее. Моление производил только «сильный шаман» (кӱстюг кам), так как родовая гора сеока Сор находится далеко в Шории. Ею является знаменитая в Шории Пустаг или Мустаг с белоснежной вершиной, находящаяся в истоках р. Тельбеса (приток Кондомы). Моление назначал старший в роде (улуглары). Все продукты жертвоприношения и угощения (вино, абирты, рыбу, овечку, хлеб, талкан и т. д.) сородичи привозили к месту моления и объединяли. Моление происходило обязательно у определенной березы, к которой старейшие члены сеока привязывали цветные ленточки. Целью этого родового моления было испрашивание у родовой горы благополучия для людей сеока, зачатия детей, удачи в промысле, хорошего урожая и благополучия скота.

Кийский административный род совпадал с фактическим родом, настоящее название которого было Кый. Этот род также должен быть отнесен к числу шорских. Он упоминается в качестве Кийской волости в 1630 г.⁶⁰ У Палласа этот сеок фигурирует под названием Каинцы вместе с Кобыльцами и Каргинцами в количестве 20 луков, а у Пестерева — под названием Койсы⁶¹. В предании, записанном Катановым, говорится, что сеок Кый пришел в бассейн Абакана с р. Мрассы. На Мрассе кыйцы живут в большом числе и до сего времени. Сеок Кый значится во всех опубликованных списках шорских сеоков. В бассейне Абакана они живут довольно разбросанно по рр. Тее, Еси, Большому и Малому Сырам, Сее, Матуру и Анчулу. По официальным данным 1832 г., составленным для Ясачной комиссии и ею проверенным, Кийский административный род состоял из 223 душ обоего пола. Главным занятием их было звероловство и частично скотоводство. Расселялись они тогда в основном по рр. Таштыпу и Мрассе⁶². Родовые угодья сеока Кый для ближней охоты были по Кыйзасу (приток Мрассы), для дальней — в верховьях Абакана по речкам Ытылу, Тардашу, Кыйзасу⁶³. Адрианов встретил зверопромышленников-кыйцев в 1883 г. на левом берегу Матура и сообщает, что «в эту тайгу заходят ежегодно на охоту только кыйцы — верхнемрасские инородцы и матырские»⁶⁴. У Пестерева также имеется указание относительно кыйцев (Койсы), что они вместе с другими сеоками промыслили зверя в верховьях Абакана, где и были их родовые угодья. К сожалению, я ничего не могу сказать ни о почитаемой родовой горе, ни о молении ей у кыйцев, так как мне на Тее не удалось встретить представителей этого сеока. Я только слышал, что у кыйцев такие моления были. Кийский род как административная единица находился в составе кочевых волостей Кузнецкого округа во 2-й половине XIX в.⁶⁵ Кызыльский административный род совпадал с этнографическим родом, члены которого именовали себя Кызыл-гая и обитают по долине р. Есь. В отношении этого сеока я не располагаю историческими материалами и не могу сослаться также на соответствующие предания, которые говорили бы об его шорском происхождении. Но имеются иные довольно веские данные, указывающие на его принадлежность к шорским сеокам. До настоящего времени сеок Кызыл-гая в значительной части обитает по р. Мрассе близ устья Пызаса и Кобырзы, где еще в прошлом столетии находилась Кызыльская волость. В предании о происхождении этого

⁶⁰ В. Ф. Миллер, История Сибири, т. II, стр. 372.

⁶¹ Pesterev, Op. cit., p. 161; Паллас, Указ. соч., стр. 508.

⁶² Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 137. Именной список инородцам Минусинского округа Степной думы соединенных разнородных племен Кийского рода.

⁶³ Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, стр. 134.

⁶⁴ Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны 1883 г. Записки Зап. Сиб. отд. РГО, кн. VIII, вып. II, стр. 112.

⁶⁵ Семенов и Потанин, Дополнения к III тому К. Риттера, стр. 498.

сеока, записанном мной в 1934 г. от стариков Кызыл-гая в Шории, говорится, что Кызыл-гая с давних времен обитали по Мрассе, по соседству с сеоком Кый, с которым они никак не могли поделить земли⁶⁶. Еще более убедительным свидетельством о давнем обитании их в Шории является нахождение их охотничьих угодий по ряду рек в системе р. Томи⁶⁷. Кызыльский род был еще во 2-й половине XIX в. в составе административных кочевых волостей Кузнецкого уезда и жил по р. Пызасу, притоку Мрассы.

Изушерский административный род появился в составе Сагайской степной думы позднее других. Его нет в официальных списках административных родов или улусов, составленных для Ясачной комиссии на 1 июля 1833 г.⁶⁸. Не упоминается он в составе родов этой думы ни у Пестова, ни у Степанова⁶⁹. Весьма вероятно, что образование Изушерского административного рода произошло в 1834 г. Как видно из переписки, хранящейся в деле № 164 «О перечислении из Кузнецкого в Минусинский округ в ведомство Степной думы соединенных разнородных племен», часть «инорсдцев Кузнецкого округа» в количестве 177 душ обратилась еще около 1830 г. к бывшему гражданскому губернатору Енисейской губернии Степанову с просьбой о перечислении их в ведомство упомянутой думы. Мотивировалось это тем, что подавшие прошение уже проживали в местах, принадлежащих ведомству Степной думы. В деле говорится о согласии князцов всех административных родов Степной думы, с перечислением их имен, из которого видно, что в состав этой думы включались все роды, отмеченные нами выше, за исключением Койбальского, так как тогда еще была Койбальская дума, и Изушерского, который был образован, вероятно, в результате этого ходатайства⁷⁰. По моим изысканиям, Изушерский род появляется в составе Сагайской думы в официальных бумагах в 1835 г.⁷¹. В это время «Изушерский улус» состоит из 84 юрт, сосредоточенных в 6 селениях-улусах. Все его жители значатся обитающими в юртах, не имеющими ни одного дома. Этот улус или административный род перешел в ведомство Сагайской степной думы из Мрасско-Изушерской и Мрасско-Елейской волостей Кузнецкого округа. Переход его из указанных волостей Кузнецкого округа в ведомство Сагайской степной думы не означал ликвидации этих волостей в Кузнецком округе. Обе упомянутые волости остались в составе кочевых волостей Кузнецкого округа, так как выделилась из них только часть населения, которой ближе было платить ясак в Сагайскую степную думу. Отсюда естественно, что состав этнографических родов этого вновь образованного административного рода был неоднородным. Он включал в себя три родственных, в прошлом экзогамных сеока: Калар, Четтибюр и Тайас⁷². Среди населения левобережья Абакана этот административный род был известен под названием Тайас. Он расселялся здесь преимущественно по рр. Моноку и Сосу⁷³. В исторических документах XVII в. говорится об Итиберской (Четтибюр) волости, которая локализуется на Кондоме⁷⁴. Эта волость продолжает существовать на Кондо-

⁶⁶ Л. П. Потапов, Очерки по истории Шории, стр. 165. И в настоящее время кызылгаинцы являются охотниками-звероловами.

⁶⁷ Там же, стр. 134.

⁶⁸ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 159.

⁶⁹ Пестов, Записки об Енисейской губ., стр. 82; Степанов, Енисейская губ., ч. 1, стр. 136.

⁷⁰ Абаканский архив, фонд 2, опись 1, дело № 164.

⁷¹ Там же, дело № 208 за 1835 г. по учету жителей и юрт в улусах и об избранных десятниках.

⁷² Ср. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd. I, S. 208: «Таяс образуют три рода: Чедебес, Калар, Таяс (сор)». Об экзогамности сеоков Калар, Четтибюр и Тайас мне сообщили старики в селении Усь-Чуле (р. Тея) в 1946 г.

⁷³ Катанов, Отчет о поездке в Минусинский округ в 1896 г., стр. 7.

⁷⁴ Русская историческая биб-ка, т. 8, стр. 597, документ от 1629 г.

ме на протяжении XVIII и XIX вв., но в документах этого времени на Кондоме же упоминается и Каларская волость⁷⁵. Все эти роды до настоящего времени в своем большинстве сохранились в Шории. По записям А. Адрианова, относящимся к началу 80-х гг. XIX в., сеоки Калар и Четтибер зафиксированы в системе р. Кондомы, причем сеок Четтибер в то время представлял Кондомско-Итиберскую волость, а сеок Тайаш образовал Мрасско-Изушерскую волость, расположенную по Пызасу, притоку Мрассы⁷⁶. Если к этому добавить, что среди населения рассматриваемых сеоков сохранились предания об их приходе в систему Абакана с реки Кондомы, а также то обстоятельство, что родовая охотничья территория их находится в Шории, то предположение о шорском происхождении также и этих сеоков получает достаточное обоснование⁷⁷.

Мне остается сказать еще об одном и последнем административном роде Сагайской степной думы, который я вместе с другими отношу к шорским. Речь пойдет о Казановском административном роде, совпадавшем с этнографическим родом, самоназвание которого было Том или Томнар. Он обитал по речкам Аскысу, Базе, Бее и сохранил предание о приходе на эти места из бассейна р. Томи. Мне рассказывали, что сеок Том или Томнар раньше совершал родовые моления горе. Для этой цели население сеока собиралось близ горы Ары-тага, неподалеку от Казанова улуса, где и были в основном расселены члены этого сеока⁷⁸. Жители сеока Том сами считают себя выходцами из Шории, из бассейна р. Томи, куда они ходят промышлять зверя до сего времени.

Рассмотрев исторические и этнографические материалы по подавляющему большинству административных и фактических родов, входивших в состав сагайцев, мы имеем возможность сделать ряд существенных заключений. Основным из них будет утверждение о том, что из 10 административных родов у сагайцев 8 родов, объединяющих 12 этнографических родов, являлись выходцами из Шории, следовательно, по происхождению шорскими. Остальные 2 административных рода: Сагайский род 1-й половины и Сагайский род 2-й половины могли считаться сагайскими и то в известной части, как это будет показано несколько дальше. Если вспомнить статистические данные 1858 г., то окажется, что шорские административные роды составляли более половины сагайского населения, так как в них насчитывалось 6042 душ обоего пола, а в двух сагайских родах было только 2754 душ обоего пола. Мы видели, что этот вывод вытекает из сравнения родовых названий этнографических сеоков сагайцев с самоназваниями шорских сеоков и сопоставления их с историческими известиями XVII—XVIII вв. о племенах, родах и волостях Саяно-Алтайского нагорья по актовому материалу. Однако этот важный и убедительный источник не является единственным, как это полагал в свое время В. В. Радлов⁷⁹. Предания о выходе этих сеоков из Шории и особенно этнографический материал о родовой территории являются особенно убедительными. Последний может быть хорошо подкреплён как историческими документами, так и показаниями путешественников и некоторыми преданиями. Что шорские сеоки пришли в бассейн Абакана на чужие земли, именно на земли бельтиров, говорит, например, один из документов 1745 г., где указывается, что в те времена

⁷⁵ Материалы для истории Сибири, Чтения О-ва истории и древностей российских, 1866, кн. 4-я, стр. 69, 72, 88, 89; Потанин, Дополнения к III т. К. Риттера, стр. 482.

⁷⁶ Опубликованы Г. Н. Потаниным, Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 936—941.

⁷⁷ Н. Ф. Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, стр. 473.

⁷⁸ Я не смог выяснить, где находилась и как называлась родовая гора сеока Том.

⁷⁹ Radloff: «Die Geschlechtsnamen dieser Türken-Stämme sind für uns der einzige Fingerzeig für ihre Abstammung», писал он в „Aus Sibirien“, S. 206—207.

р. Есь (Ись) входила в Бельтирскую волость⁸⁰. Паллас определенно указывал, что, начиная с правого берега Аскыса, по р. Тее, Таштыпу, как и по левобережью Абакана (в этих пределах), земли в XVIII в. принадлежали бельтирам⁸¹. В предании о шорском сеоке Таяс говорится, что три брата из этого рода по имени Көктөс, Маныс и Аниин пришли к начальнику бельтиров Эптису, подарили ему трех черных соболей и стали просить у него себе землю. Эптис поселил их в верховьях Монока⁸². Предание не только хорошо отразило факт прихода некоторых шорских сеоков на земли, занятые бельтирами, но и сохранило без искажения имя начальника бельтиров Эптиса. Во времена Палласа он жил в 8 верстах к югу от Аскыса и управлял не только бельтирами, но и поселившимися на занятых ими землях шорскими сеоками: Кобый, Карга, Кый (по Палласу бирюсинцами)⁸³. Имя Эптиса Аюжакова как есаула или начальника бельтиров встречается и в исторических документах около половины XVIII в.⁸⁴ Если сопоставить все это не только с преданиями о приходе сюда рассмотренных сеоков из Шории, но и с тем, что их родовые угодья и родовые почитаемые горы находятся также в Шории, то шорское происхождение этих сеоков нельзя не считать доказанным. Остается только выяснить, когда, в какое время появляются шорские сеоки в бассейне Абакана. Для решения этого вопроса имеются документальные свидетельства. Пестерев был в этих местах в 1780 г. Он сообщил про ряд шорских сеоков (Кобый, Карга, Кый, Шор), что они пришли сюда с берегов Мрассы и других районов Кузнецкого округа около 35 лет тому назад⁸⁵. Следовательно, это произошло в первой половине XVIII в., вероятно, в 40-х гг. Вспомним предание о переселении на р. Монок сеока Таяс при бельтирском князце Эптисе, имя которого нередко встречается в документах 40-х гг. Но такое переселение шорских сеоков в бассейн Абакана и, возможно, на правобережье Енисея, на р. Тубу было и в XVII в. Известно, что в 1643 г. шорские сеоки с Мрассы и Кондомы ушли «в кыргызы». Когда к кыргызам были посланы из Томска служилые люди с требованием, «чтоб они тех Кузнецкого уезда Мрасских и Кондомских наших ясашных людей у себя не держали, а отослали б их от себя из кыргыз в Кузнецкий уезд, на Мрасу и на Кондому, на старые ноचे вья», тубинские князцы Талай и Томак ответили, «что мрасские и кондомские ясачные люди киштымы их киргизские, а пришли-де к ним кормиться»⁸⁶.

Размеры работы не позволили мне привлечь этнографические данные о тождестве исследованных сеоков с сеоками, и поныне обитающими в Шории, более широко. Но даже в рамках привлеченного материала достаточно ясно выступает то обстоятельство, что этнографическое единство шорских сеоков складывалось на основе их древнего способа добывания жизненных средств, на основе пешей охоты на зверя.

Вывод, сделанный мной на этнографическом и историческом материале, можно подкрепить еще ссылкой на лингвистические данные. Уже В. Радлов писал, что язык шорцев близок к сагайскому⁸⁷. В последней по

⁸⁰ Материалы для истории Сибири, Чтения О-ва любителей истории и древностей российских, кн. 4-я, стр. 70.

⁸¹ П. Паллас, Указ. соч., ч. III, стр. 497 и 508; ср. Костров, Бирюсы, Зап. Сиб. отд. РГО, т. VI, стр. 128—129.

⁸² Катанов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. IX, стр. 341.

⁸³ Паллас, Указ. соч.

⁸⁴ „Сборник историко-статистических сведений о Сибири“, т. II, вып. 1, стр. 15, 16; Материалы для истории Сибири; Чтения О-ва любителей истории и древностей российских, кн. 4-я, стр. 69.

⁸⁵ Pesterev, Op. cit., p. 161.

⁸⁶ Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири, Томск, 1890, стр. 8 и др. Подчеркнуто мной. — Л. П.

⁸⁷ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I, S. 213.

времени и наиболее совершенной классификации тюркских языков сагайский и шорский языки находятся не только в одной группе (уйгурской или северо-восточной), но и в одной подгруппе диалектов⁸⁸. Между прочим о родстве сагайцев в старом смысле слова и шорцев говорит также исследование их песенного и музыкального творчества⁸⁹.

Все сказанное выше позволяет решить еще интересный вопрос о так называемых бирюсах или бирюсинцах. Они считаются исчезнувшим тюркским племенем, свидетельства о котором оставили нам лишь путешественники XVIII в.⁹⁰. На деле же бирюсинцы никуда не исчезали. Общим именем бирюсинцев путешественники называли в XVIII в. шорские сеоки: Шор, Кобый, Карга и другие, вошедшие позднее преимущественно в Кивинский и Каргинские административные роды⁹¹. Тождество бирюсинцев с шорцами было настолько очевидно, что Вербицкий предлагал назвать все шорские сеоки, обитавшие на Мрассе и Кондоме, — бирюсинцами. Следовательно, бирюсинцы утратили только свое общее наименование, данное им первыми исследователями, но вовсе не исчезли.

Название бирюсинцы было дано им на том основании, что будто бы они раньше кочевали по р. Бирюсе-Оне, а в начале XVIII в. ушли оттуда в горы к вершинам Кондомы в связи с продвижением русских казаков в эти места⁹². В этом позволительно усомниться, во-первых, потому, что ни один из исследователей не записал от упомянутых сеоков предания о приходе их с Бирюсы. Напротив, многочисленные предания единодушно говорят о приходе их в бассейн Абакана с Мрассы и Кондомы, т. е. из Шории. Во-вторых, имеются указания, что тайгу по Бирюсе всегда считали своей собственностью карагасы⁹³. Кроме того, это противоречит историческим документам, которые, как мы видели, определенно локализуют родовые группы «бирюсинцев» уже в начале XVII в. на рр. Кондоме и Мрассе, т. е. в пределах современной Шории. Можно допустить только, что часть шорских сеоков, уходивших в «кыргызы» около половины XVII в. и оказавшаяся, может быть, и на Бирюсе, позднее, с уходом кыргызов в начале XVIII в., возвратилась оттуда и оставалась в бассейне Абакана. Однако это обстоятельство еще не дает оснований называть их бирюсинцами.

Если отрицание сагайцев как особого племени или народности правильно и необходимо, то невозможно отрицать существование не только административного рода, но и сеока Сагай. Этнографическое своеобразие сеоков Сагай выросло на основе кочевого скотоводства и резко отличалось от шорского. Об этнографическом составе родов Сагайского 1-й половины и Сагайского 2-й половины мы имеем сведения, сообщенные В. В. Радловым и Н. Ф. Катановым. Радлов указывает, что Сагайский род 1-й половины состоит из сеоков: Сагай, Туран, Сарыг, Иркит, Ечнг, Кый, Аба, Тјода, а Сагайский род 2-й половины — из родов: Кыргыс, Четти-пюрю, Юсь-Сагай, Том-Сагай⁹⁴. По полевым материалам Катанова, сагайцы состоят из сеоков: Сагай, Туран, Кыргыс, Сарыг, Пю-

⁸⁸ А. Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Петроград, 1922, стр. 8—9.

⁸⁹ А. А. Кенель, Хакасская музыка (рукопись, хранящаяся в Хакасском научно-исследовательском институте).

⁹⁰ Костров, Бирюсы, стр. 127, Сибирская советская энциклопедия, т. I, стр. 347.

⁹¹ Паллас, Указ. соч., стр. 508; Георги, Указ. соч., стр. 165.

⁹² Георги, Указ. соч., стр. 165. У Палласа таких данных о приходе бирюсинцев из-за Енисея нет. Версия Георги повторена у Гр. Спасского в «Сибирском Вестнике» за 1819 г., ч. V., стр. 66—67, и Клапротом в «Asia Polyglotta», стр. 229.

⁹³ Н. Костров, Бирюсы, стр. 127—128; Б. Э. Петри, Охотничьи угодья и расселение карагас, Иркутск, 1927, стр. 21, где указано, что верховья Малой и Большой Бирюсы составляли охотничьи угодья рода «Хааш», среднее течение — рода «Сары-Хааш» и нижнее течение Бирюсы — рода Чеептей.

⁹⁴ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I. S. 203.

руют⁹⁵. В перечне сеоков, входивших, по Радлову, в состав сагайских административных родов, нужно отделить ряд таких сеоков, представители которых встречаются в других административных делениях, у других племен и народностей и попали сюда, видимо, по местообитанию в пределах ведомства Сагайской степной думы, по месту взноса податей и несения различных повинностей. Такими были сеоки Кый, Аба, Четти-пюрю как сеоки шорского происхождения, в основной массе обитающие в Шории. Сеок Иркит имеется у алтайцев и тувинцев, а сеок Чода — у алтайцев, тувинцев и карагасов, следовательно, нельзя считать эти сеоки сагайскими⁹⁶. То же самое нужно сказать и в отношении сеока Кыргыс, большинство которого находится в среде качинцев, но встречается и среди алтайцев. Вообще же сеок Кыргыс принято считать остатком кыргызов, живших в долине Енисея до начала XVIII в. Сеок Пюрют, отмеченный Катановым в среде сагайцев, но отсутствующий в списке Радлова, известен у качинцев, телеутов, алтайцев, что также позволяет исключить его из состава чисто сагайских сеоков. По записи Катанова, у сагайцев есть сеок Сарыг. Этот сеок он встретил также и у тувинцев Кемчикского хошуна. Катанов высказался за то, что сеок Сарыг «остался, вероятно, подобно кыргызам, от какого-нибудь народа», т. е. не считал этот сеок сагайским⁹⁷. Радлов считал этот сеок кыргызским и указывал на существование его у алтайцев, телеутов и киргизов Тянь-Шаня⁹⁸.

Таким образом, из списков сеоков обоих исследователей остаются пока как сагайские сеоки: Сагай (с подразделениями, отмеченными Радловым), Ичиге и Туран⁹⁹. В настоящее время я не располагаю материалом, могущим пролить свет на происхождение двух последних сеоков, и вопрос о них оставляю пока открытым. Что же касается сеока Сагай и его подразделений, то нет основания сомневаться в его самобытности как сеока, а вернее будет учитывать его подразделения, как группы кровнородственных сеоков. Представители этого довольно многочисленного сеока встречаются в системе левых притоков Абакана от Уйбата до Аскыса. Радлов и Катанов считали сагайцев за киргизское племя, оставшееся после ухода кыргызов с Енисея. «Два столетия тому назад, — писал Радлов в 1867 г., — когда киргизы покинули степь Абаканскую и Енисейскую, осталось только немногочисленное поколение их — Сагайцы, в долине Аскыса»¹⁰⁰. Исторические документы позволяют решить этот вопрос в несколько ином виде. Имя «Сагайцы» появляется в документах начала XVII в., из которых следует, что «Сагайские люди» были объяснены кузнецкими служилыми людьми около 1620 г.¹⁰¹. Миллер называет их не киргизами, а «сагайскими татарами», и говорит, что они кочевали в начале XVII в. по соседству с кыргызами в верховьях Июса и Абакана¹⁰². Фишер добавляет к этому еще верховья р. То-

⁹⁵ Катанов, Отчет о поездке, совершенной в Минусинский округ Енисейской губернии в 1896 г., стр. 62.

⁹⁶ Радлов считал сеок Иркит кыргызским родом. — „Aus Sibirien“, Bd. I. S. 208, 217. У якутов был Эргитский наслег.

⁹⁷ Катанов, Отчет о поездке, совершенной в 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии, стр. 96.

⁹⁸ Radloff, Aus Sibirien, Bd. I. S. 209.

⁹⁹ Катанов записал предание: „Колено Ичиге пришло с р. Июс, с реки Июс они переселились (сначала) к хребту Сакчаку. Этот хребет находится в верховьях р. Еси“ („Образцы народной литературы тюркских племен“, т. IX, стр. 581).

¹⁰⁰ Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен. ч. II, Предисловие, стр. X; ср. Катанов: „Племя Сагай осталось от киргизов“. Среди тюркских племен Известия ИРГО. т. XXIX, стр. 17. Правда, в более поздней работе Радлова определяются сагайцы как отатарившиеся енисейцы (Aus Sibirien, Bd. I, S. 188).

¹⁰¹ Миллер, История Сибири, т. II, стр. 259.

¹⁰² Там же, стр. 58.

ми¹⁰³. Откуда эти авторы почерпнули сведения о местообитании сагайцев в верховьях Абакана, остается неясным. Вообще это указание является очень сомнительным, ибо документы 70-х гг. XVII в. локализуют сагайцев только в бассейне Июсов, хотя и по соседству с кыргызами¹⁰⁴. В одном документе говорится, что из Кузнецка были посланы «в государевы ясашные Сагайские волости и в кыргызы для государева ясажного сбора Сенка Шебакин с товарищи»¹⁰⁵. В другом документе рассказывается, что «Овдейко сказал: шел-де он из Кузнецкого до Сагайские волости до ясажного князца Урузачка шесть дней.... и поехал от него Урузачка в Алтырской улус к князцу Конгошу, а из Сагайские де дал ему Урузачка подводу, да в провожатых сына своего, и был де он в кыргызах десять дней»¹⁰⁶. Что это происходило в бассейне Июса, следует из третьего документа, где сказано про кузнецких сборщиков ясака, что «заехали де они у него Урузачка в юртах Июс-сагайского ясажного татарина Кожеачка»¹⁰⁷. О сагайских волостях есть упоминания и в начале XVIII в.¹⁰⁸. В дневнике Мессершмидта упоминается Июс-сагайская степь и Июс-сагайские юрты в долине р. Биры¹⁰⁹. Н. Н. Козьмин, исходявший из показаний исторических актов и путешественников XVIII в., правильно утверждал, что сагайцы жили во времена пребывания кыргызов на Енисее в восточных и западных предгорьях Алатау, на пространстве между верхним Аскысом и Июсом, и на восток до р. Биры¹¹⁰. По свидетельству Фишера, на Томи у них были пашни, к которым периодически переезжали сагайцы, кочевавшие зимой со скотом вместе с другими скотоводами¹¹¹.

Сагайцы были скотоводами-кочевниками, хотя охота за пушным зверем у них имела существенное значение и стимулировалась их положением данников то у кыргызов, то у джунгаров, которым они вносили дань пушниной¹¹². В исторических документах встречаются сообщения, что у сагайцев во время сбора дани джунгарские сборщики грабили и лошадей¹¹³. Настоящих сагайцев все же нельзя считать за остаток енисейских кыргызов, как это думал В. В. Радлов. Они были только их данниками — «кыштымами». Русские исторические документы всегда отличают их от кыргызов, называя «татарами», но отмечают их зависимость от кыргызов. «А кыштымы, государь, те сагайские люди — кыргызские», писал в Москву кузнецкий воевода в 1644 г.¹¹⁴. Кыргызскими кыштымами сагайцы названы и в документе 1720 г.¹¹⁵. На Абакан этот тюркоязычный и скотоводческий по образу жизни род попал, видимо, в самом начале XVIII в., после ухода из этих мест кыргызов.

¹⁰³ Фишер, Сибирская история, СПб., 1774, стр. 294.

¹⁰⁴ На Абакане и на Уйбате жили в то время кыргызы.— См. „Сборник князя Хилкова“, Петербург, 1879, стр. 269—272 и 305.

¹⁰⁵ Дополнения к Актам историческим, т. VII, стр. 333. Подчеркнуто мной.— Л. П.

¹⁰⁶ Там же, стр. 134. Центр Алтырского улуса кыргызов был в бассейне Уйбата.

¹⁰⁷ Там же, стр. 373.

¹⁰⁸ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, стр. 321—324.

¹⁰⁹ Радлов, Сибирские древности, т. I, вып. 1. Приложения, стр. 16—17.

¹¹⁰ Н. Н. Козьмин, Хакасы, Иркутск, 1925, стр. 36; ср. Фишер, Сибирская история, стр. 294.

¹¹¹ Фишер, Сибирская история, стр. 294.

¹¹² Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. II, стр. 322.

¹¹³ Там же, стр. 321—324.

¹¹⁴ Сибирский приказ, кн. № 136, л. 441. Цитировано по Токареву, Указ. соч., стр. 47.

¹¹⁵ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. I, стр. 94.